

УДК 821.111
ББК 83.3

В.В. Сердечная

**«РУССКАЯ ТЕМА»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
УИЛЬЯМА БЛЕЙКА**

Статья посвящена свидетельствам интереса поэта Уильяма Блейка к России и российским реалиям. Цель статьи – выявить те образы и реалии, которые указывают на Российскую империю в произведениях Уильяма Блейка. Автор приходит к следующим выводам: Блейк называет Россию и ее отдельные территории в своих поэмах «Мильтон» и «Иерусалим», так что Россия и ее части становятся областями поэтического мира Блейка. Кроме того, автор вводит в русское литературоведение тот факт, что Блейк поэтически и художественно обыгрывал образ русской императрицы Екатерины II, которая была для Блейка воплощением зловещей Женской Воли (Female Will) и образцом для блудницы Вавилонской, запечатленный им в портрете 1809 г., а также одним из прообразов властной демиурга-пряжи Энитармон. Таким образом, Россия входит в поэтический космос Блейка, а образ ее правительницы для Блейка становятся знаком порабощения.

Ключевые слова: Уильям Блейк, английский романтизм, англо-русские связи, Екатерина II, русско-польская политика, пророческие поэмы, политические аллюзии.

DOI 10.18522/1995-0640-2020-4-137-145

Сердечная Вера Владимировна – канд. филол. наук, научный редактор, издательский дом «Аналитика Родис» (Краснодар)
Тел.: +7-960-479-87-89
E-mail: rintra@yandex.ru

© Сердечная В.В., 2020 г.

Уильям Блейк в XX в. был признан одним из важнейших авторов эпохи романтизма и вошел в «большую шестерку» английских поэтов-романтиков. Его осмысление актуальной истории и политики немаловажно для воссоздания, в частности, образа России в английской литературе периода романтизма. Цель статьи – выявить те образы и реалии, которые указывают на Российскую империю в произведениях Уильяма Блейка, и оценить их значение как для русской культуры, так и для понимания уровня диалога русской и английской культур рубежа XVIII и XIX вв.

Россия: Московия, Сибирь, «Тартария» – была страной экзотической и представляла определенный интерес для английского общества и английских писателей. Русские образы и названия встречаются в поэмах английских поэтов У. Уорнера (1558 – 1609) и М. Дрейтона (1563 – 1633), в драмах Шекспира и драматургов-елизаветинцев. Дж. Мильтон стал автором сочинения «Краткая история Московии и других малоизвестных стран, лежащих на Восток от России до самого Китая» (1682).

Великобритания была важным торговым партнером России: в XVIII и первой половине XIX в. англичане держали в своих руках треть русской внешней торговли. Английские купцы привозили из России лен, пеньку, шерсть, сало, кожи, хлеб, и ввозили в Россию сукно, мебель, посуду, бумагу и перья, которые производились на английских фабриках.

В XVIII и XIX вв. многие британцы рассматривали Россию

как растущую имперскую державу, которая угрожала Великобритании и Франции. В то же время разделы Польши между Россией и Пруссией вызвали большое сочувствие к полякам, особенно у британских писателей с революционными симпатиями, таких как С. Колридж и Х. М. Уильямс, и у шотландских писателей, которые признали близость двух угнетенных народов. Как отмечает Т. Маклин, «Польша и Россия составляли еще один Восток в романтическом и викторианском воображении; тот, который, благодаря своеобразному восприятию Восточной Европы в эпоху Просвещения, оставался культурной и географической экзотикой, но чье политическое и историческое значение для Британии способствовало более личному отклику: Россия как имперский двойник Англии, Польша как угнетенная земля, которая вызывала ассоциацию с Индией, Карибским бассейном, Шотландией и Ирландией» [McLean, 2004, p. ii].

Эта культурно-политическая параллель была важна для романтического сознания, и в частности, хотя это и не так очевидно, – для У. Блейка. Он упоминал Россию в своих произведениях и так или иначе соприкасался с «русской темой» [Сердечная, 2015].

Интересно отметить, что Блейк, как лондонец, ни разу не покидавший Великобританию, и Европу воспринимал как нечто противопоставленное Британским островам, что «себя он воспринимал скорее как английского художника и поэта, чем “европейского”» [Erle, Paley, 2019, p. 1]. Тем более далекой была для него Россия. Вместе с тем российская тема проявляется в его произведениях.

Блейк называет Россию и ее отдельные территории в своих больших пророчествах, в своего рода ветхозаветных каталогизациях – там, где он, предшествуя всемирному подходу Уитмена, обобщает мир единым творческим, пророческим взглядом.

Блейк дважды упоминает Россию в поэме «Иерусалим». Прочитируем перевод Д. Смирнова-Садовского.

*Уризен, гневно отмеряя шаг, руководит постройкой,
И храм возносится из хаоса вещей, спасая формы.
Из-под колонн у входа, пузырясь, струится Иордан,
Евфрат под сводами течёт, и отражаются в колоннах
Весло из серебра и белый парус. <...>
Подальше Ливия, неведомые земли, Малой Азии
И Греции искусные узоры, залы Персии и Мидии,
Тартарии Великой заповедный зал, Китай,
Сибирь и Индия – три храма для забав, а там –
Для отдыха – Россия, Швеция и Польша.
[Блейк, 2017, с. 134-135].*

Как отмечает Ф. Дэймон, «в храме Уризена “Польша, Россия и Швеция” – “уютные залы для отдыха”» [Damon, 2013, p. 352]. Таким образом, Россия и российские территории, которые Блейк, по всей видимости, не задавался целью различать, стали в его эпическом тексте представителями этнического разнообразия человечества. Дэймон пишет: «Рос-

сия – шестой из тридцати двух народов, которые будут охранять свободу и править остальным миром» [ibid., 352].

Процитируем второй отрывок из «Иерусалима» (лист 72):

*О Иерусалим! Невеста! ждут тебя народы:
Француз, испанец, итальянец, немец и поляк, росс, швед и турок,
Араб и палестинец, перс, индус, китаец и татарин, сибиряк,
Копт и ливиец, эфиоп, гвинеец, кафр, негр, марокканец,
Бербер, банту, канадец, эскимос, индеец, мексиканец,
И перуанец, патаговец, амазонец и бразилец –
тридцать два народа.
Таков порядок наций-островов, что правят океаном
Всех прочих наций, языков, народов всей Земли.
[Блейк, 2017, с. 171-172].*

Интересно отметить, что Блейк приводит традиционные названия, в отношении российских земель мало заботясь о современной политике: так, он упоминает рядом, как равноправные территории, Польшу, Россию, (Великую) Тартарию, Сибирь.

В поэме «Мильтон» Блейк упоминает из «смежных» с Россией территорий только Тартарию (лист 14/15). Приведем наш подстрочный перевод:

*Тут зазвучал великий ропот в небесах Альбиона,
О порождении, и о вегетативной силе, и об
Агнце-спасителе: Альбион дрогнул – до Италии, Греции и Египта,
До Тартарии, Индостана и Китая, и до великой Америки,
Потрясая корни и прочные основания земли сомнением;
Громкоголосый бард, устранившись,
нашел прибежище в душе Мильтона.*

К концу XVIII в., т. е. к тому времени, как Блейк писал свои поэмы, к Российской империи были присоединена большая часть Польши и Сибирь, покрывавшая фактически всю площадь Великой Тартарии. *Tartary* (Тартария) – общий термин, использовавшийся в западноевропейской литературе и картографии в отношении обширных областей от Каспия до Тихого океана, границ Китая и Индии вплоть до XIX в. Тартария включала территорию черноморско-каспийских степей, Волги, Урала, Кавказ, Сибирь, Туркестан, Монголию и Манчжурию. Название «*Tartary*» происходит от сочетания этнонима «татары», под которым европейцы часто объединяли тюркские и монгольские народы, с греческим названием преисподней – Тартар.

Упоминание в отдельности Польши и Сибири, Тартарии и России свидетельствует о том, что духовная география произведений Блейка неточно соответствовала актуальному административному делению мира. Однако тот факт, что Блейк упоминал эти земли, говорил об их значимости в той палитре мироздания, которую создавал поэт в своих эпических поэмах.

Однако Россия была явлена в его произведениях не только номинативно, но и, как утверждают исследователи, занимает определенное место в его мифологической картине мира.

В частности, образ России был связан в британском сознании того времени с образом самодержавной императрицы Екатерины II. Так, Маклин видит отсылки к ее образу в поэме Блейка «Европа: Пророчество»: эта поэма «посвящена континентальным враждебным действиям и реакционной политике этой эпохи. Как Екатерина убедила прусских и австрийских правителей объединиться с ней против польского якобинизма, так и Энитармон призывает Ринтру и Паламаброна расширить свою северную империю угнетения. Это прочтение расширяет видение Блейка о восточном движении революции, но также ставит под сомнение британско-французскую ориентацию значительной части исследований романтизма» [McLean, 2004, p. 12].

Наблюдение Д. Биндмана о том, что для Блейка «первая стадия исполнения революции связана с проявлением монструозности» [Bindman, 1977, p. 164], привело исследователей к мнению, что принципиально важный для Блейка образ блудницы Вавилонской, запечатленный им визуально в портрете 1809 г. (рисунок), может восходить к образу Екатерины II [McLean, 2004, p. 19].

Уильям Блейк. Блудница Вавилонская. 1809 г. 27×22,8 см. Тушь, перо, акварель, картон. Британский музей

Как отмечает Маклин, в блуднице Вавилонской с этого рисунка можно узнать портретные черты Екатерины II: она не молода, с двойным подбородком и небольшим ртом [McLean, 2004, p. 19]. Екатерина была популярным объектом воспроизведения в британской графике той поры. В частности, ее портрет появляется в «Эссе о физиономике»

Лафатера, которое Блейк внимательно, с отметками на полях, читал, и к первому тому которого выполнил четыре гравюры в 1789 г. (портрет Екатерины появляется во втором томе, 1792 г.). Блудницей Вавилонской прямо называет Екатерину II шотландский поэт Дж. Гэллоуэй в поэме 1790-х гг. «Слезы Польши» (*Tears of Poland*):

*Видишь! Потоки Польши, и плодородные их берега, что бегут
Над роскошными полями, – теперь погибают от людского горя.
Вы, цари, глухи к стонам доброго Августа.
Эта Клеопатра считает вас своей собственностью;
И суды больше не обеспечивают безопасность государств
От этой лукавой амазонки, вавилонской блудницы*

*See! Poland's streams, their fertile banks run o'er
Luxuriant fields! now dy'd with human gore.
Ye deaf ned Kings to good Augustus moan.
This Cleopatra holds you as her own;
And Courts no more now deem their State secure,
From this arch Amazonian, Babylonian whore* [Galloway, 1795, p. 9].

Отсылки к 17 и 18 главам Апокалипсиса определенно говорят о потенциальной распространенности такого восприятия образа русской императрицы. «Екатерина предстает как фигура чудовищной “мужской” энергии, роковой женщины и пожирающей гарпии, а Станислав и его страна становятся бессильными фигурами, жертвами лжи» [McLean, 2004, p. 20]. Несомненно, учет этой параллели добавляет новый контекст к трактовке «Европы» Блейка, которая, вполне вероятно, была аллегорическим откликом не только на события во Франции, но и на восстания в Польше.

Польша могла быть для Блейка не случайным топонимом, как и имя Екатерина. С 1785 по 1791 г. они с женой жили на Poland Street, а литературно-художественные круги Лондона включали людей, которые регулярно высказывались по польскому вопросу: это Т. Пэйн и Дж. Барлоу, Дж. Тэлуолл и Колридж, М. Уолстонкрафт и Дж. Макинтош. Имя Catherine носила не только жена Блейка, но и его мать, и сестра; Блейк награвировал несколько изображений для «Сна королевы Екатерины» из шекспировского «Генриха VIII».

Есть версия, что имя Энитармон (Enitharmon), женщины-агрессора в поэме «Европа» и пряхи-демиурга в более поздних пророчествах, богини в этом падшем мире, – дополненная анаграмма имени Catherine, как и более поздние женские имена персонажей Блейка: Катедрон (*Cathedron*) и Окалитрон (*Ocalythron*) [McLean: 39]. С тем, что фигура Энитармон, пряхи и подавляющего начала, связана с женой Блейка Кэтрин, критики согласны [Bruder, 1997; Damon, 2013, p. 124].

Вместе с тем Энитармон в «Европе» – обаятельная, но подавляющая фигура откровенно имперского масштаба. Неоднократны попытки исследователей провести ассоциацию с той или иной королевой. Д. Эрдман, в частности, предполагает параллель с королевой Шарлот-

той и Марией Антуанеттой [Erdman, 1954, p. 220–222]; вторая версия популярна и среди других исследователей [Johnson, Grant, 1990, p. 122; Bruder, 1997, p. 163]. Однако обе эти королевы не обладали репутацией деспотичных, самовластных правительниц; в то время как «Екатерина Великая активно участвовала в проведении реальной политики в Европе XVIII в., заключая сделки с другими европейскими правителями с целью укрепления своей власти и расширения империи на юг и запад» [McLean, 2004, p. 40]. Нужно отметить, что поэма написана в 1793–1794 гг., т.е. в период активных перемен в Польше и ее разделах.

Интересно отметить, что агрессоры и тираны в мифологии Блейка живут на холодных северных землях, – в частности, демиург Уризен. Так и Энитармон встречает гостей в начале поэмы «Европа» в северном замке: «*The deep of winter came <...> / Then Enitharmon saw her sons & daughters rise around. / Like pearly clouds they meet together in the crystal house*» [Blake, 1988, p. 61]. Середина зимы, *deep of winter*, и «хрустальный», ледяной дом: *crystal house*, который вполне может вызывать ассоциации с ледовыми дворцами в Петербурге: в частности, такой дворец в празднование русской императрицы Анны описывает У. Купер в 1785 г. в своей поэме «The Task». Колридж также упоминает русский ледовый дворец, и есть версия, что дворец Кубла-хана также восходит к этому строению, с его «солнечным дворцом с ледяными пещерами» (*sunny pleasure-dome with caves of ice*). Известно, что Блейк был поклонником Купера.

Кроме того, сюжетная роль Энитармон, властительницы жестокой и указующей, наиболее всего подходит Екатерине среди всех правительниц того времени. Интересно отметить, что Энитармон посылает своих сыновей на воинские действия, когда ложится спать:

*Встань, о Ринтра, старший сын, не имеющий равных себе, кроме Орка:
Лев Ринтра, вызови ярость твою из черных лесов:
Приведи Паламатрона, рогатого священника, прыгающего по горам:
И молчаливую Элиниатрию, королеву с серебряным луком* [Blake, 1988, p. 62].

Королева посылает своих подчиненных на войну; параллель с другими правительницами оказывается слабой, а с Екатериной II – более явной. Маклин приводит здесь параллели как из российской военной истории, так и из общемировой. «Если, однако, Энитармон – это Екатерина / Россия, то Ринтру и Паламатрона можно идентифицировать как ее генералов (Суворов и Потемкин часто упоминались в британских газетах) или, даже точнее, как Фредерика Вильгельма II из Пруссии («*Лев Ринтра, вызови ярость твою из черных лесов*») и Священного Римского императора Франца II альпийской Австрии («*рогатого священника, прыгающего по горам*»), вместе «со всеми братьями», со многими немецкими князьями, оказавшими помощь реакционным силам. Таким образом, призыв Энитармон объединяет силы, которые разделили Польшу и которые изначально выступали против Французской революции» [McLean, 2004, p. 43 – 44]. Кроме того, «сон» Энитармон может быть истолкован и как

отстранение России от активных действий против Французской революции. Вдохновив Австрию и Пруссию на действия против Франции, сама Екатерина II сосредоточила свои усилия на борьбе с Турцией и за территории Польши. Как писал в 1793 г. английский политик Б. Вон, «Россия хитро заставила остальных окунуться в мутную воду, а сама (согласно словице) осталась одежду поддержать» [Vaughan, 1793, p. 193].

Исследователи культурных аллюзий в творчестве Блейка достаточно обоснованно говорят о присутствии в его мифологии культурно преломленных элементов индийской космогонии и буддийской картины мира [Clark, Suzuki, 2006; Barlow, 2011; Atkinson, 2019]; об осмыслении им судеб Америки [Elliott, 2009; Freedman, 2018]. В этот ряд попадает и Россия: Блейк не слишком хорошо знал ее географию, но не мог не слышать о ее роли в европейской истории, и, по всей видимости, включал ее пересмысленных правителей в свой миф о революции и тиранстве: в политике конца XVIII в. не было правительницы, которая больше воплощала бы концепцию важной для Блейка женской власти, чем Екатерина II.

Россия и ее правительница Екатерина II были отражены в произведениях Уильяма Блейка, как поэтических, так и живописных. Блейк называет Россию и ее отдельные территории в своих больших пророчествах «Мильгон» и «Иерусалим»: они стали в его эпическом тексте символами этнического разнообразия человечества. Блейк упоминает рядом, как равноправные территории, Польшу, Россию, (Великую) Тартарию, Сибирь. Духовная география произведений Блейка неточно соответствовала актуальному административному делению мира. Однако тот факт, что Блейк упоминал российские земли, говорит об их значимости в той палитре мироздания, которую создавал поэт в своих эпических поэмах. Екатерина II была известна Блейку как властитель-угнетатель, от которого страдает вольнолюбивая Польша. К образу Екатерины II может восходить образ блудницы Вавилонской, запечатленный Блейком на портрете 1809 г.: она немолода, с двойным подбородком и небольшим ртом. Сюжетная роль героини мифологии Блейка Энитармон, властительницы жестокой и указующей, подходит Екатерине II больше, чем кому-либо из других правительниц эпохи Блейка.

Литература

- Блейк У. (2017). Иерусалим: Эманация гиганта Альбиона / пер. Д. Смирнова-Садовского. М.: Magreb. 416 с.
- Сердечная В.В. (2015). Россия и российские территории в произведениях Уильяма Блейка // Язык. Словесность. Культура. № 3. С. 69 – 81.
- Atkinson R. (2019). Japanese Blake: Embodies Visions in William Blake's *The Marriage of Heaven and Hell* (1790) and Tezuka Osamu's *Phoenix* (1967–88) // Watson A., Williams L. (eds) *British Romanticism in Asia*. Palgrave Macmillan, P. 341–360.
- Barlow P. (2011). The Aryan Blake: Hinduism, Art and Revelation in William Blake's Pitt and Nelson Paintings // *Visual Culture in Britain*. Vol. 12. Is. 3. P. 277–292.
- Bindman D. (1977). *Blake as an Artist*. Oxford: Phaidon. 256 p.

- Blake W. (1988). *The complete poetry and prose* / ed. D. Erdman. N.Y: Anchor books. 990 p.
- Bruder H.P. (1997). *William Blake and the Daughters of Albion*. New York: St Martin's Press. 291 p.
- Clark S., Suzuki M. (eds) (2006). *The Reception of Blake in the Orient*. London; New York: Continuum. 360 p.
- Damon S.F. (2013). *A Blake Dictionary: The Ideas and Symbols of William Blake*. Dartmouth College Press. 532 p.
- Erdman D. (1954). *Blake: Prophet Against Empire: A Poet's Interpretation of the History of His Own Times*. Dover. 528 p.
- Elliott C. (2009). 'A Backward Glance O'er' the (Dis)United States: William Blake, Ralph Waldo Emerson and the 'Authentic American Religion' // *European Journal of American Culture*. Vol. 28. Is. 1. P. 75–93.
- Erle S., Paley M. (2019). Introduction: 'Take thou these leaves from the tree of life': William Blake in Europe // Erle S., Paley M. (eds.) *The Reception of William Blake in Europe*. Vol. 1. Bloomsbury Academic. P. 1–24.
- Freedman L. (2018). *William Blake and the Myth of America: From the Abolitionists to the Counterculture*. Oxford University Press. 280 p.
- Galloway G. (1795). *Poems. The Tears of Poland. To which are added Songs on various subjects, etc.* 2nd ed. Edinburgh. 42 p.
- Johnson M.L., Grant J.E. (eds.) (1990). *Blake's Poetry and Designs*. N. Y.: Norton. 628 p.
- McLean Th.E. (2004). *The Other East: Poland, Russia, and British Romanticism*. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the Doctor of Philosophy degree in English. University of Iowa. 197 p.
- Vaughan B. (1793). *Letters, on the Subject of the Concert of Princes, and the Dismemberment of Poland and France*. London: G.G.J. & J. Robinson. 254 p.

References

- Atkinson R. (2019). Japanese Blake: Embodies Visions in William Blake's *The Marriage of Heaven and Hell* (1790) and Tezuka Osamu's *Phoenix* (1967–88), Watson A., Williams L. (eds) *British Romanticism in Asia*. Palgrave Macmillan, pp. 341–360.
- Barlow P. (2011). The Aryan Blake: Hinduism, Art and Revelation in William Blake's Pitt and Nelson Paintings. *Visual Culture in Britain*, vol. 12, is. 3, pp. 277–292.
- Bindman D. (1977). *Blake as an Artist*. Oxford, Phaidon, 256 p.
- Blake W. (2017). *Jerusalem: Emanation of the Giant Albion*. trans. D. Smirnov-Sadovsky. Moscow, Magreb Publ, 416 p. (In Russian).
- Blake W. (1988). *The complete poetry and prose*, ed. D. Erdman. N. Y., Anchor books, 990 p.
- Bruder H.P. (1997). *William Blake and the Daughters of Albion*. N. Y., St Martin's Press, 291 p.
- Clark S., Suzuki M. (eds) (2006). *The Reception of Blake in the Orient*. London; New York, Continuum, 360 p.
- Damon S.F. (2013). *A Blake Dictionary: The Ideas and Symbols of William Blake*. Dartmouth College Press, 532 p.
- Elliott C. (2009). 'A Backward Glance O'er' the (Dis)United States: William Blake, Ralph Waldo Emerson and the 'Authentic American Religion'. *European Journal of American Culture*, vol. 28, Is. 1, pp. 75–93.

Erdman D. (1954). *Blake: Prophet Against Empire: A Poet's Interpretation of the History of His Own Times*. Dover, 528 p.

Erle S., Paley M. (2019). Introduction: 'Take thou these leaves from the tree of life': William Blake in Europe, Erle S., Paley M. (eds.) *The Reception of William Blake in Europe*. Vol. 1. Bloomsbury Academic, pp. 1-24.

Freedman L. (2018). *William Blake and the Myth of America: From the Abolitionists to the Counterculture*. Oxford University Press, 280 p.

Galloway G. (1795). *Poems. The Tears of Poland. To which are added Songs on various subjects, etc.* 2nd ed. Edinburgh, 42 p.

Johnson M.L., Grant J.E. (eds.) (1990). *Blake's Poetry and Designs*. N. Y., Norton, 628 p.

McLean Th.E. (2004). *The Other East: Poland, Russia, and British Romanticism*. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the Doctor of Philosophy degree in English. University of Iowa, 197 p.

Serdechnaya V.V. (2015). Russia and Russian territories in the works of William Blake. *Language. Literature. Culture*, no. 3, pp. 69-81. (In Russian).

Vaughan B. 1793. *Letters, on the Subject of the Concert of Princes, and the Dismemberment of Poland and France*. London, G.G.J. & J. Robinson, 254 p.

Vera V. Serdechnaya (Krasnodar, Russian Federation)

«Russian Theme» in William Blake's Works

The article is devoted to the factors and evidences of William Blake's interest in Russia, Russian places and politicians. An analysis of Blake's works, especially his prophetic poems, confirm that Russia, Russian territories, and in particular the Russian Empress Catherine II, were interesting to Blake and were manifested in many ways in his works. Blake counts Russia and its territories in his great prophecies *Milton* and *Jerusalem*. The mention of Poland and Siberia, Tartaria, and Russia separately indicates that the spiritual geography of Blake's works did not exactly correspond to the current administrative division of the world. There is a reason to believe that the image of the Russian Empress Catherine II was for Blake the embodiment of the sinister Female Will and became a model for the harlot of Babylon, captured by him in a portrait of 1809, as well as one of the prototypes of the powerful demiurge-spinner Enitharmon in prophetic poems. In politics, the end of the XVIII century, there was no ruler who would more embody the concept of female power than Catherine II.

Key words: *William Blake, English romanticism, English-Russian relations, Catherine II, Russian-Polish politics, prophetic poems, political allusions.*

Vera V. Serdechnaya – Ph.D. in Philology, Academic editor in Analitika Rodis Publishing House. Phone: +7-960-479-87-89; e-mail: rintra@yandex.ru